

Выписки из церковных служб Бориса Пастернака в свете биографии и творчества

Доклад посвящен неопубликованным материалам из архива Бориса Пастернака Отдела рукописей ИМЛИ. Автограф с переписанными богослужебными текстами хранится в семейном архиве Евгения Борисовича и Елены Владимировны Пастернаков, ксерокопию можно увидеть в ИМЛИ. Всего выписки насчитывают 72 листа. «Выписки из церковных служб» упоминаются в работах Евгения Борисовича Пастернака и в комментарии к полному собранию сочинений писателя, но они еще не становились темой для отдельного изучения.

Записи представляют собой сложенные вдвое или вчетверо листки, стершиеся на сгибах от частого чтения. Пастернак носил их годами в нагрудном кармане, чтобы следить за ходом церковной службы и тихонько подпевать вместе с хором. Этими выписками писатель пользовался и во время работы над «Доктором Живаго» (годы создания: 1945-1955). Он переписывал для себя молитвы, читающиеся на Великие Праздники («На преобразование Господне», «На Успение Божией Матери», «На Благовещенье», «На Богоявление Господа Иисуса Христа», «На Пасху» и другие), Великопостные богослужения на Страстной неделе и молитвы на разные случаи (90 Псалом, читаемый в опасности). Во всех выписках Пастернак пользовался традиционными сокращениями наиболее часто повторяемых слов (Господи, святой, Богородица и т.д.) и во многих словах проставлял ударение. Все праздничные даты поэт указывал по старому календарю.

Борис Пастернак с детства помнил наизусть слова многих служб и молитв. Няня, водившая его в церковь, стала первым человеком, приобщившим будущего писателя к церкви. Пастернак, делясь своими детскими впечатлениями от посещения церкви, рассказывал: «Каждое слово богослужения казалось мне непревзойденным, из-за формы: смысл и слово совпадали; я как губка все впитывал».

Доподлинно неизвестно, был ли Борис Пастернак крещен (он родился в некрещёной еврейской семье), об этом до сих спорят биографы поэта. Но главное в том, что поэт был уверен, что его в детстве крестила няня. Комментируя это событие из жизни отца, его сын Евгений Борисович Пастернак, отмечал, что, скорее всего, няня окропила мальчика Святой водой во имя Отца и Сына и Святого Духа и уверила воспитанника, что теперь у него нет никаких препятствий к участию в церковной службе.

Вспоминая свое мировосприятие в двадцатилетнем возрасте, Пастернак рассказывал, что именно тогда им более всего овладел “христианский образ мысли”, который он пронес через всю жизнь. Однако в довольно долгий период своей жизни (1920-1930-е гг.) писатель в открытую не поднимал вопросы веры и церкви. Начиная с 1940-х гг. в жизни и в творчестве Бориса Пастернака наиболее ярко проявляется православное мировоззрение.

Писатель не раз читал наизусть тексты церковных служб свои друзьям и родным, позже они вспоминали насколько выразительным было его чтение. Сохранилось много воспоминаний о подобных беседах. Например, вторая жена поэта Зинаида Николаевна Пастернак, вспоминала как Пастернак читал “псалмы из Псалтыри и самые поэтические книги из Ветхого Завета, цитировал на память стихиры, тропри и тому подобное из христианского богослужения” и “восхищался их высоконравственным содержанием и поэтичностью”.

Слова рассматриваемых богослужебных текстов в зрелые годы были частью мироощущения писателя и он не раз цитировал их в переписке 1950-х гг. В письме вдове Пришвина, делаясь своими впечатлениями о дневнике Пришвина, Пастернак говорил: “Не правда ли строки дневника напоминают слова: ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя... и т.д.”. Это строки из Пасхальной всенощной службы, переписанной Пастернаком.

Переходя от биографии поэта к его творчеству, отметим, что рассматриваемые «Выписки из служб» цитируются автором только в его романе «Доктор Живаго». Но нельзя не сказать, что в автобиографической прозе «Охранная грамота» и «Люди и положения» и в драме «Этот свет» встречаются единичные упоминания текстов Евангелия, Псалтыри и Литургических песнопений.

Изучаемые выписки проясняют авторский замысел именованного романа «Доктор Живаго» заглавием «Земнородные», позже отвергнутым. К тому же «Выписки из служб» соотносятся с прозаической и стихотворной частями романа. На первый взгляд сложно уяснить какой смысл вкладывал автор, предполагая назвать роман именем «Земнородные». Смысл заглавия соединяет в себе христианский и поэтический символ. Это слово ни разу не встречается в тексте книги. Однако оно упоминается в ирмосе на утрени Великой Субботы. Выписки из этого пасхального богослужения сохранились в архиве поэта; процитируем по ним: «Богоявления твоего, Христе, к нам милостивно бывшего, Исаия свет виде в не вечерний, из ноши утренавав взываше: воскреснут мертвии, и востанут сущии во гробех, и вси земнороднии возрадуются».

Три предполагаемых варианта названия романа: «Смерти не будет», «Земнородные» и «Живые и мертвые, воскресающие», как представляется, должны рассматриваться в единой смысловой линии преодоления смерти. Они основаны на христианских представлениях о временной («Земнородные») и вечной жизни («Смерти не будет»). Заглавие «Живые и мертвые, воскресающие» вбирает в себя семантику и варианта «Земнородные» (то есть - смертные, которые могут быть «живыми и мертвыми»), и варианта «Смерти не будет» (иными словами, «воскресающие»).

Пристальнее взглянем на церковные тексты в романе, останавливаясь лишь на беседе Симы Тунцевой с Ларисой Антипововой. Она важна тем, что именно в этом эпизоде романа толкуются именно те выписки, которые стали

темой настоящего исследования. Сима – последовательница философии Николая Веденяпина, дяди Юрия Живаго. В основе философии Веденяпина лежат мысли самого Пастернака. Автор не скрывал, что такого философского течения по-настоящему тогда не было и он просто передоверил свои мысли герою. Из довольно длинной и содержательной беседы остановимся только на трактовке образа Марии Магдалины, чтобы далее перейти к стихотворению «Магдалина» из тетради Юрия Живаго.

Этот эпизод из романа был своеобразным “ответом” на критику стихотворения “Магдалина”, которая упрекала Пастернака в смешении в одном образе блудницы, омывшей миром ноги Иисуса Христа в доме Симона прокаженного с Марией Магдалиной. Писатель вложил в слова Симы Тунцевой объяснение расхождения образа Марии Магдалины в Священном Писании с поэтической традицией. Героиня романа трактует евангельский образ Марии Магдалины: “Существует спор, Магдалина ли это, или Мария Египетская, или какая-нибудь другая Мария... она просит Господа: «Разреши долг, якоже и аз власы». То есть: «отпусти мою вину, как я распускаю волосы»”. Упомянутая строка читается в выписках писателя из богослужения на Великую среду: “Тебе Девыя Сына, блудница познавши Бога, глаголаше в плачи молящися, яко слез достойная соделавшая: разреши долг, якоже и аз власы: возлюби любящую, праведно ненавидимую...”.

Интересно остановится на толковании стихиры “Господи, яже во многия грехи впадшая жена...”, написанной Кассией Константинопольской (IX в.). В ней, по словам героини романа, “речь с большею несомненностью идет о Магдалине. Здесь она со страшной осязательностью сокрушается о прошлом, о том, что каждая ночь разжигает её прежние закоренелые замашки. «Яко ночь мне есть разжение блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное рачение греха». Она просит Христа принять её слезы раскаяния и склониться к её воздыханиям сердечным, чтобы она могла отереть пречистые его ноги волосами, в шум которых укрылась в раю оглушенная и пристыженная Ева.

«Да облобыжу пречистые Твои нозе и отру сия паки главы мояя власы, их же Ева в рай, пополудни шумом уши огласивше, страхом скрыся». И вдруг вслед за этими волосами, вырывающееся восклицание: «Грехов моих множества, судеб твоих бездны кто исследит?»». И смысл, заложенный в этом тропаре, Сима Тунцева видит как “равенство Бога и жизни, Бога и личности, Бога и женщины”.

Стихотворение “Магдалина” – поэтическое отражение упомянутого православного песнопения. По глубокому замечанию Ю.М. Лотмана, стихотворения Юрия Живаго являются кульминацией христианских тем и евангельских сюжетов. Здесь мы проследим как образные детали из молитв претворились в поэтике стихотворения. В песнопении на Страстную Пятницу “Тебе одеющагося светом яко ризою...”, повествующем о погребении Господа Иисуса Христа, поется: “егоже в мале солнце на кресте висима узревшее мраком облагашеся, и земля страхом колебашеся, и раздирашеся церковная завеса: но се ныне вижу тя мене ради волею подъемша смерть...”. Источник этих образов - Евангелие от Матфея: «И вот, завеса в храме раздралась на-двое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись» (Мф. 27: 51).

Строфа из стихотворения “Магдалина” могла быть навеяна образами колеблющейся земли и раздирающей церковной завесы из упомянутой молитвы:

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

В заключении, подчеркнем, что при изучении библейских мотивов в романе следует опираться не только на текст Священного Писания, но и на рукописные источники из архива поэта.